

Б. Томашевский

К Чаадаеву

Одним из наиболее популярных политических стихотворений Пушкина периода 1817–1820 является послание к Чаадаеву. <...>

Датировка этого стихотворения, по существу, не известна. По традиции, начиная с первых публикаций, оно датируется 1818 годом. ... По времени создания оно близко к созданию «Вольности» Это можно предполагать по начальным стихам, повторяющим начало «Вольности». <...>

И здесь гражданская поэзия («отчизны призыванье») противопоставляется поэзии нежной, славе тихой, характеризующей элегического поэта. Стихи послания более зрелые, чем в оде, но тема та же... С другой стороны, употребление слова «надежда» в значении синонима к любви и «тихой славе» вряд ли было бы возможно для Пушкина в 1819 году в период собраний «Зеленой лампы», когда слово «надежда» приобрело определенный политический характер, о котором постоянно напоминала эмблема общества и его девиз: «Свет и надежда».

В данном стихотворении менее всего риторизма, и это, вероятно, привлекало читателей. Точно так же отсутствие дидактического элемента придавало содержанию стихов большую емкость. В послании не говорилось ни о конституционной монархии, ни о республике, то есть о тех вопросах, какие могли разделить людей. Но ярко проявилась ненависть к самодержавию, объединявшая всех передовых людей тех лет.

Именно 1818 год характеризуется политическим подъемом и возбуждением общественной мысли. После мартовской речи Александра полицейские органы растерялись. Разговоры о конституции, об уничтожении самодержавия стали легальными. Сталкивались надежды с недоверием. Всем казалось, что крушение самодержавия близко, но мнения разделялись, произойдет ли это мирно или насильственно.

Чаадаев, к которому обращены стихи, сблизился с Пушкиным еще в Царском Селе. Дружба продолжалась и в Петербурге, куда переехал Чаадаев, когда поступил адъютантом к Васильчикову и оставил лейб-гусарский полк <...>

Для Пушкина Чаадаев был образцом приверженности освободительным идеям. Впечатление это Пушкин вынес из тех бесед, какие вели они в Царском Селе. Беседы, по-видимому, были увлекательны. Чаадаев тогда еще не проникся духом презрения и всеобщего отрицания, который стал у него развиваться после выхода его в отставку в 1821 году. ... Впрочем, и в период отрицания свободолюбие не оставляло Чаадаева. Так, Свербеев излагает темы разговоров Чаадаева в бытность его уже за границей, в Берне:

«Он обзывал Аракчеева злодеем, высших властей военных и гражданских — взяточниками, дворян — подлыми холопами, духовных — невеждами, все остальное — коснеющим и пресмыкающимся в рабстве».

Представление свое о духовном облике Чаадаева этих лет Пушкин выразил в надписи к портрету Чаадаева, где он назвал его Брутом и Периклесом. Применяя эти два имени — Брут и Перикл, Пушкин хотел, конечно, выразить свободолюбие Чаадаева и его демократические убеждения. <...>

Пушкина соединяло с Чаадаевым чувство дружбы и единомыслия. В таком сочетании самая дружба приобретала окраску героического чувства. Тема вольнолюбивой дружбы вызывала привычные со школьной скамьи образы героев Древнего Рима и Древней Греции, овеянные особым чувством благоговейного восторга перед примерами высокой добродетели, много веков вызывающими восхищение человечества пламенной любовью к своему отечеству:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Замечательные стихи призывали к подвигу, который каждый осмыслял как революцию, как действие. Участие в подвиге, освобождающем Россию от самовластья, обеспечивало более прочную славу, чем та «тихая слава» поэта, воспевающего любовь, о которой говорилось в первом стихе послания. И можно думать, что именно это стихотворение действительно воспламеняло передовую молодежь, приводило ее в ряды тайного общества. <...>